

МАТЭРЫЯЛЫ

**VII міжнародных
кірыла-мяфодзіеўскіх чытаньняў,
прысьвечаных дням
славянскага пісьменства
і культуры**

Частка 1, кніга 1

МАТЭРІАЛЫ

**VII міжнародных
кірыла-мефодіевскіх чтэньняў,
посвяшчэньняў дням
славянскай пісьменнасьці
і культуры**

Чаць 1, кніга 1

Белорусский Экзархат Русской
Православной Церкви
Европейский гуманитарный
университет
Факультет теологии
им. свв. Мефодия и Кирилла

Министерство культуры
Республики Беларусь
Белорусский
государственный
университет культуры

**VII Международные
Кирилло-Мефодиевские чтения,
посвященные Дням
славянской письменности и культуры**

(Минск, 22 – 24 мая 2001 г.)

*Материалы чтений
Часть 1, книга 1*

Минск
2002

ББК 86

УДК 2(063)

С 28

Редакционная коллегия:

Бендин А.Ю. (отв. ред.), Поздняков А.В. (зам. отв. ред.),
Довгялло Г.А., Самойлюк Т.А.

VII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения,
С 28 посвященные Дням славянской письменности и культуры:
Материалы чтений (Минск, 22-24 мая 2001 г.). В 2 ч.
Ч.1, кн.1 /Европейский гуманитарный ун-т, Бел. гос. ун-
т культуры; Редкол.: Бендин А.Ю. (отв. ред.) и др. —
Мн.: ООО “Ковчег”, 2002. — 244 с.

ISBN 985-6056-56-x

Материалы Кирилло-Мефодиевских чтений освещают вопросы церковной истории, межконфессиональных отношений, проблемы современного религиозно-философского и богословского знания.

ББК 86

ISBN 985-6056-56-x

ЛИТУРГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАННЕГО ХРИСТИАНСКОГО МУЧЕНИЧЕСТВА

Пределом всех устремлений и чаяний христианина, конечной целью христианской жизни является спасение, спасение, понимаемое не просто в смысле избавления от зла, избежания вечной смерти, но в значении греческого слова "σωτηρια". Спасение как "σωτηρια" - это ис-целение, восстановление целостности, единства внутри человеческой личности, обретение единения с Богом. Единение с кем-либо - это сообразование себя с ним, это желание приобрести все самые лучшие его качества, подражание ему, стремление стать таким, как этот другой. Христиане знают Того, единение с Которым превышает ценности земной человеческой жизни. Имеют они и образ подлинного единства, явленный им со Святой Троице, в Которой единство создается любовью, потому что Бог Троица и есть Любовь (1 Ин. 4:16). О подобном единении, единении каждого со всеми и всех с Богом, говорил и Сам Спаситель: "Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот принесет много плода... Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино" (Ин. 15:5; 17:21).

В нашей раздробленной жизни это единство таинственным образом реализуется, актуализируется в богослужении, в Евхаристии, которая есть средоточие христианской жизни. В Евхаристии фокусируется все то, в чем выражается поиск единства. Она и Жертва, имеющая древнее значение всех жертв - примирение, благодарение и хвалу; она и молитва, как живая, личностная обращенность к Богу, как разговор, диалог, беседа с Ним; она, хотя и сама очищает, но требует предварительной подготовки, волевых усилий, внутренней чистоты, примиренности со всеми. Последнее особенно важно, поскольку оно показывает, что христианская жизнь неотделима от богослужения, что она есть отражение богослужения, а богослужение - это словесная иллюстрация подлинно христианской жизни; что молитва побуждает к деятельности, а деятельность придает молитве чистоту и силу. Невозможно существование богослужения в отрыве от христианской

жизни. Подлинная духовная жизнь всегда стремится стать литургией.

Христианская древность дает нам удивительные примеры литургического восприятия христианской жизни, проявившегося в мученичестве за Христа. Славянское слово "мученик" не совсем точно передает смысл греческого слова "μάρτυς", дословно переводимого как "свидетель". В основе мученичества-свидетельства лежит идея подражания Христу. "Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего" – обращался св. Игнатий Антиохийский к римлянам (1). Эта идея проистекает из самого Нового Завета. Иисус Христос называется "свидетелем верным" (Апок. 1:5; 3:14). Своих учеников Он отправляет на служение свидетельства (Деян. 1:8). А в прощальной беседе с учениками Спаситель сказал: "Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас" (Ин. 15:20). Таким образом, Иисус Христос прямо говорил о неизбежности бремени страданий для Его учеников, но Он объяснил им смысл этих страданий. "Страдания, - пишет И. Иеремияс, – являются частью апостольского служения, так как ненависть мира – это естественная реакция на свидетельство... Страдания – это прямо отличительный признак посланничества" (2).

В сознании ранней христианской Церкви мученичество за Христа, как подражание Самому Христу, приобретало черты Евхаристической жертвы. В беседе о Хлебе Жизни Спаситель сказал ученикам: "Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную и Я воскрешу его в последний день... Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нем" (Ин. 6:54, 56). Чаша страданий, которую испивали мученики, становилась для них своего рода Евхаристической чашей, приобщение к которой дает вечную жизнь в единстве с Богом. И уже с самого начала христианства проявилось особое отношение к мученикам, как наиболее верным последователям Христа, проявилась вера в то, что они получают особую участь. Согласно 20-й главе Апокалипсиса Иоанна Богослова, мученики участвуют в первом воскресении и блаженствуют со Христом тысячу лет еще до всеобщего воскресения и суда: "И увидел я престолы и сидящих на них, которым

дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство (δια την μαρτυρίαν) Иисуса и за слово Божие... Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет" (Апок. 20:4).

В древней Церкви сформировалось и представление о "крещении кровью", о том, что мученичество может заменить собой само таинство Крещения. "Кто будет веровать и креститься, спасен будет", – говорит Спаситель (Мк. 16:16). Крещение – это облечение во Христа (Гал. 3:27), отождествление себя со Христом, а значит и становление на путь мученичества-свидетельства. Кровавое крещение мученичества – это подражание Христу, Который сказал в ожидании своих страданий: "Крещением должен я креститься" (Лк. 12:50). Поэтому и горевший желанием мученической смерти за Христа великий александриец Ориген обращался к современникам: "О, если бы вы со всей готовностью решились креститься тем крещением, о котором Он желал, чтобы оно скорее свершилось" (3). Кровь, пролитая во имя Христа, во свидетельство о Нем, даже еще не принявшего крещение приобщает к Небесному Царству. Тертуллиан, рассуждая о крещении водой и кровью, писал: "Эти два крещения Он источает из раны пронзенного бока, поскольку веровавшие в Его кровь омывались водою, а омывшиеся пили Его кровь. Это и есть крещение, которое заменяет даже не принятую купель и возвращает утерянную" (4).

Самоотречение, добровольное несение креста, мученичество – способны вести человека в Небесное Царство. "Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь?" – спросил Иисус Христос Иакова и Иоанна Зеведеевых, мать которых хотела посадить своих сыновей рядом со Спасителем в Его Царстве (Мф. 20:22). Страдание, вводящее в Царство Божие, Спаситель представляет в виде двух образов – чаши и крещения. Образы чаши и крещения – это не только библейские образы, символизирующие бедствия, тяжелые испытания, приближение страданий, но и вполне определенные евхаристические образы, литургические образы. Добровольное принятие страданий – чаши и крещения – истинный путь к единению с Богом.

В самом раннем дошедшем до нас описании страданий

определенного исторического лица, в Мученичестве св. Поликарпа Смирнского, имеющем вид послания Смирнской Церкви к Церкви Филомелийской, повествование выстраивается по схеме, напоминающей собой историю предательства, ареста и крестной смерти Иисуса Христа (5). Уже в начале Мученичества говорится о том, что Господь явил мученичество, согласное с Евангелием (*Мученичество*, 1:1). Св. Поликарп смиренно, кротко "ожидал страдания, подобно Господу, до тех пор, пока не был предан" (*Мученичество*, 1:2). Не желая скрываться от гонителей, он говорит: "Да будет воля Господня" (*Мученичество*, 7:1), подобно тому, как молился гефсиманской ночью Спаситель: "Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты" (Мф. 26:39). Св. Поликарпа предают и предатели сравниваются с Иудой, его арестовывает начальник по имени Ирод (*Мученичество*, 6,2). Смерти св. Поликарпа требует толпа (*Мученичество*, 3:2; 12:2), причем особую активность проявляют иудеи (*Мученичество*, 13:1). Тело мученика пронзают кинжалом, отчего из тела вытекает кровь (*Мученичество*, 17:1). Проконсул не отдает тело св. Поликарпа христианам, а сжигает его (*Мученичество*, 17:1-2), так же как не было отдано тело Спасителя Его ученикам. И сама смерть св. Поликарпа произошла в Великую Субботу (*Мученичество*, 21:1).

Центральным моментом Мученичества можно считать молитву, произнесенную св. Поликарпом перед смертью. Эта молитва по своему содержанию очень напоминает древние христианские анафоры. В ней святой мученик просит Бога принять его как жертву. Мученичество предстает как "жертвенное приобщение ко Христу, некое воскресение жизни и нетления" (6). Мученичество становится жертвой во образ жертвы Иисуса Христа, становится таинством, приобретает литургическое измерение. И если даже признать, что редакторы Мученичества расширили первоначальное повествование о суде над св. Поликарпом подробностями, которые напоминали бы историю суда и страданий Иисуса Христа (7), то такое редакторское изменение не является чем-то абсолютно выдуманным и чуждым основной идее, духу повествования, оно органично входит в рассказ, отражая литургическое восприятие

мученичества св. Поликарпа. Мученичество св. Поликарпа предстает как жертва, соединяющая с Богом, жертва, родственная евхаристической жертве. Смерть св. Поликарпа уподобляется смерти Иисуса Христа и тело мученика сравнивается, очевидно, с евхаристическим хлебом, когда пламя, приняв вид свода, оградил "вокруг тело мученика и оно, находясь посередине было не как тело сожигаемое, но как испекаемый хлеб" (*Мученичество*, 15:2).

Непосредственно перед смертью, в своей молитве, св. Поликарп благословляет, благодарит Бога: "За сие и за все Тебя хвалю, Тебя благословляю, Тебя славлю" (*Мученичество*, 14:3). Подобным образом славил Бога и другие христиане, отправляемые на смерть. "Святые мученики, славящие Бога, были отведены на обыкновенное место, кончив мученичество в исповедании нашего Спасителя", - говорится в *Мученичестве* св. Иустина Философа (8). А св. Аполлос так отвечал проконсулу Переннию: "Я благодарю Бога моего... и за этот твой спасительный для меня приговор" (9). То, что для язычников казалось безумием, - смерть ради Христа, - для христианских мучеников было избеганием вечной смерти и вхождением в Царство Божие. Внешняя неудача, даже трагедия (потеря жизни) рассматривалась ими как приобретение высших, небесных ценностей, как то, за что следует благодарить. Последний вздох мучеников, наполненный благодарностью, хвалой Богу, можно сравнить с молитвой Иисуса Христа из 25 стиха 11-ой главы Евангелия от Матфея: "Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам". И. Иеремиас так говорит об этих словах Спасителя: "По обычным человеческим меркам Его дело потерпело крах: ведь руководители Его народа единодушно отвергли Его весть и лишь горстка людей, не пользовавшихся уважением, следовала за Ним. И на этих руинах Иисус возносит благодарственную молитву. Не смотря на неудачу Он славит Бога" (10). Наличие благодарения в молитве открывает в ней эсхатологическую перспективу. "В грядущем мире прекращаются все жертвы, но жертва благодарения остается вечно; точно также прекращается всякое исповедание, но исповедание

благодарности остается вечно", – гласит одно из раввинистических изречений (11). Вознося благодарение, хвалу Господу, мученики декларировали абсолютную ценность того Царства, которое откроется в конце мира, они свидетельствовали о том, что плодом их стойкости будет их вступление в это Царство. И именно духовное предвкушение благ этого Царства придавало им силы. Уже в самих страданиях за Христа мученики входили в новый зон, зон Царства. "Кто помнит, что он отрекся от мира, - не знает никакого мирского срока; не помышляет уже о временах земных тот, кто ожидает вечности от Бога", - писал о мучениках св. Киприан Карфагенский (12). Таким образом, мученичество имеет эсхатологический характер даже уже по тому, что в нем присутствует благодарение. Но такой же характер имеет и Таинство таинств, называемое Евхаристией, Благодарением. "То, что осуществляется в служении, – пишет протоиерей Александр Шмеман, – вводит нас в реальность и приобщает нас к реальности, времени никоим образом не подчиненной" (13). В Евхаристии актуализируется единство земной и небесной Церкви как тела Христова, и верные приобщаются тех благ, которые в полноте откроются в будущем веке.

Именно таким евхаристическим переживанием мученичества наполнены послания св. Игнатия Антиохийского, свидетельствующие и о той жажде единства с Богом, которую называют "мистическим эросом мученичества, мученического подражания Христу" (14). "Я жертва", – говорит о себе св. Игнатий в Послании к ефесянам (15). Но особенно евхаристическое восприятие мученичества выражено в его Послании к римлянам: "Не делайте для меня ничего более, чтобы я был заклан Богу теперь, когда жертвенник уже готов, и тогда составьте любовию хор и воспойте (хвалебную песнь) Отцу во Христе Иисусе... Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я пшеница Божия: пусть измельют меня зубы зверей, чтоб я сделался чистым хлебом Христовым... Тогда я буду по истине учеником Христа, когда даже тела моего мир не будет видеть. Молитесь о мне Христу, чтобы я посредством этих орудий сделался жертвою Богу" (16). И если литургия, постоянно совершаемая здесь, на земле, "есть отображение

той вечной Небесной Литургии, которая постоянно, вне времени и вне места совершается там, на престоле Горней Славы" (17), то св. Игнатий через мученичество стремится стать участником вечной Небесной Евхаристии: "Моя любовь распялась и нет во мне огня, любящего вещество, но вода живая, говорящая во мне, вызывает мне изнутри: "иди ко Отцу". Нет для меня сладости в пище тленной... Хлеба Божия желаю, хлеба небесного, хлеба жизни, который есть плоть Иисуса Христа... И питья Божия желаю, - крови Его, которая есть любовь нетленная и жизнь вечная" (18).

Таким образом, христианское мученичество - это жертва во образ жертвы Христовой, жертва, имеющая эсхатологический ориентир, эсхатологическую направленность, открывающая реальность Царствия Божия, соединяющая с Богом, подобно тому, как таинственно примиряет и соединяет нас с Богом Евхаристическая жертва; это кровавое крещение во образ страданий Христовых, крещение, делающее христианина-свидетеля гражданином Небесного града; это смерть, становящаяся литургией, делающая мученика соучастником Небесной Литургии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Св. Игнатий Антиохийский. Послание к римлянам, 6 // Писания мужей апостольских. Рига, 1994. С. 331.
2. Иеремиас И. Богословие Нового Завета. Часть 1. Провозвестие Иисуса. М., 1999. С. 263.
3. Ориген. Увещание к мученичеству, 37 // Отцы и учителя Церкви III века. Т. 2. М., 1996. С. 58.
4. Тертуллиан. О крещении, 16 // Избранные сочинения. М., 1994. С. 102.
5. Предисловие к "Мученичеству св. Поликарпа" // Писания мужей апостольских. С. 371.
6. Флоровский Г., протоиерей. Отцы первых веков. Кировоград, 1993. С. 11.
7. Мещер Б. М. Канон Нового Завета. М., 1998. С. 121.
8. Мученичество св. Иустина Философа, 6:1 // Сочинения древних христианских апологетов. СПб., 1999. С. 370.
9. Мученичество св. Аполлоса, 46 // Сочинения древних христианских апологетов. С. 404.
10. Иеремиас И. Указ. соч. С. 213.
11. Там же.

12. Св. Киприан Карфагенский. Книга о падших // Творения. М., 1999. С. 209.
13. Шмеман А., протоиерей. Введение в литургическое богословие. М., 1996. С. 53.
14. Флоровский Г., протоиерей. Указ. соч. С. 11.
15. Св. Игнатий Антиохийский. Послание к ефесянам, 21 // Писания мужей апостольских. С. 316.
16. Св. Игнатий Антиохийский. Послание к римлянам, 2;4 // Писания мужей апостольских. С. 329-330.
17. Киприан (Керн), архимандрит. Евхаристия. М., 1999. С. 315.
18. Св. Игнатий Антиохийский. Послание к римлянам, 7 // Писания мужей апостольских. С. 332.